

ОБСУЖДАЕМ НОВУЮ КНИГУ

Н.П. Хрящева, В.Б. Носкова

ВЗРОСЛЫЕ «УЖАСЫ» И НОВЫЙ ДЕТСКИЙ ГЕРОЙ?

Представляем вниманию читателей обсуждение повести Мариэтты Омаровны Чудаковой «Дела и ужасы Жени Осинкиной», а именно, диалог, возникший между двумя членами редколлегии журнала – Ниной Петровной Хрящевой (НП) и Верой Борисовной Носковой (ВБ).

На XII Всероссийской конференции «Филологический класс» Н.П. Хрящева выступила с докладом, который впоследствии был опубликован в сборнике «Русская литература XX века: проблемы изучения и обучения». В основе данной публикации – статья Н.П. Хрящевой «Взрослые «ужасы» и новый детский герой», в текст которой «вклиниваются» полемические заметки В.Б. Носковой.

НП. Детектив для подростков «Дела и ужасы Жени Осинкиной», написанный известным литературоведом Мариэттой Омаровной Чудаковой, интересно и легко читается благодаря стремительно развивающемуся сюжету и привлекательным героям – деятельным, умеющим думать, готовым сражаться со злом. Но очарование этой книги данными свойствами далеко не исчерпывается. Главное в ней не занимательность сама по себе, а постепенно возгорающаяся в душе читателя Надежда, что вся грязь и нечисть, так густо расплодившаяся вокруг нас, может быть преодолена. Что же питает эту Надежду?

ВБ. С точным и ёмким начальным тезисом статьи всё же не могу согласиться, т.к. при чтении повести возникла совсем другая тональность восприятия: отнюдь не надежда, а скорее безнадежность, что-то, напомнившее знакомство со школьным учебником ОБЖ – сгущенные криминальные «ужасы» – сплошные опасности жизни, даже при всей привлекательности героев и их дел, освещенных авторским любованием и умилением.

НП. Воссоздавая редкую интенсивность подростковой жизни, автор строит свою книгу на известном допуске: взрослые в ней несколько напоминают детей: «Люди... не были злыми. Они просто заняты только собой, как дети, щенки или котята...» (23)¹. И в самом деле, в то время как Женина мама уходит с приятелями в байдарочный поход, а папа и вовсе покидает пределы русского «королевства»: уезжает на научный конгресс в Мексику, их тринадцатилетняя дочь

мчится в глубинку России расследовать преступление.

И эта перестановка сознательна, она открыто проговаривается в тексте. Так, генерал-лейтенант Шуст, отдавший Жене Осинкиной свою машину и помощников-телохранителей, «...подумал, что плохи дела в стране, если детям выпадает исправлять ошибки правосудия... Чтобы оправдать невинного, девочке предстояло в сущности... найти убийцу» (70).

ВБ. Наблюдение о «допуске», инверсии детского и взрослого мира может быть рассмотрено в ином ракурсе. Эта книга написана известным талантливым литературоведом, голос которого, исследовательские интонации прослеживаются на протяжении всей повести. И автор-литературовед использует открытые ею же приемы детской литературы, в частности, А.П. Гайдара. Анализируя специфику «существования» детской литературы в Советском Союзе 30-х годов, М.О. Чудакова писала о поэтике подставных проблем, когда в «детский» инфантильно-упрощенный текст с детской проблематикой проникает, как бы просвечивая, авторское слово о современной, недетской жизни: «... в повести рисуется один мир, вернее, туманная, плывущая проекция этого мира, а сквозь него проглядывает или, скорее, подает неясные сигналы другой»². Но в том-то и дело, что гайдаровский прием, во многом обусловленный идеологическим диктатом эпохи, переносится в иное время. У Гайдара время «проглядывало» сквозь детский сюжет исключительно потому, что, по мнению Чудаковой, иного способа сказать правду не было, поэтика подставных проблем – имплицитный диалог с читателем о «запрещенном». Но теперь, «подставляя» современные недетские проблемы всеобщей российской поруки, автор повести «Дела и ужасы Жени Осинкиной» пишет в публицистических отступлениях о много раз выраженном в «чернушной» литературе

¹ Чудакова М.О. Дела и ужасы Жени Осинкиной. Книга первая: Тайна гибели Анжелики. – М., 2005. – Далее текст цитируется по этому изданию.

Вера Борисовна Носкова — кандидат филологических наук, доцент кафедры современной русской литературы Уральского государственного педагогического университета.

Нина Петровна Хрящева — доктор филологических наук, профессор кафедры современной русской литературы Уральского государственного педагогического университета.

² Чудакова М.О. Сквозь звезды к терниям // Новый мир. – 1990. – № 4. – С. 253.

90-х годов. Зачем же ломиться в открытые двери? Нет, здесь иное, более иронично-тонкое авторское отношение к миру и поспешные оценки заводят в тупик. На первый взгляд, инверсия детских и взрослых жизненных ролей не столько возвышает героев-подростков до вершителей справедливости, сколько, пожалуй, наоборот, снижает. И кажется нелепой ситуация, когда тринадцатилетнюю героиню доставляют на генеральской черной «Волге» к месту подвига да ещё под охраной двух 35-летних крепышей-афганцев (и ладошка Жени подчеркнута контрастирует с «их осторожными лапищами») (59). А почему бы не расследовать это дело им, прошедшим войну, а в повести лишь исполняющим роль «двое из ларца – одинаковы с лица»? Нет, «чтобы оправдать невинного, девочке предстояло, в сущности, ни много ни мало как найти убийц» – почему именно это безличное слово «предстояло»? Детям «подставляют» взрослые проблемы, но обеспечивают безопасность – адреналин аквапаркового экстрима, со страховкой? И да, и нет. Работает поэтика подставных проблем, а именно: взрослые предстают погруженными в свои дела (диссертации бабушки, заботы генерала, конгресс и т.д.), они ограничили свой жизненный круг личными проблемами – отчуждены от большого мира. Ни эти афганцы, ни генералы, ни адвокат – поколение 90-х – неспособны «разрулить» ситуацию в стране. Альтруизм не в моде – каждый устраивает собственное жизненное положение. Кажется алогичным, но автор «подставляет» проблему: юные интеллектуалы только и могут альтруистически броситься на защиту друга от беззакония.

НП. Именно детское сознание, не искривленное стереотипным мышлением взрослых, срабатывает здесь безотказно: *«Женя знала, что... с людьми ее поколения одним разговором ничего не сделаешь. Здесь нужно было, чтобы несколько человек, которым интересно друг с другом, решили все вместе жить по-другому»* (110). Что перед нами? Возрождение тимуровских дел? Еще одна утопия? И все же Надежда!

ВБ. Тимуровские дела были приобщением пионеров «к коммунистическому строительству», к общему делу, оказывая посильную помощь соседям (особенно семьям красноармейцев) и сражаясь с местными хулиганами. Команда Жени Осинкиной именно замещает взрослых. Здесь иная ситуация, в какой-то мере представляющаяся авторской иллюзией, которая как раз и проявляется на читательском ожидании-сопоставлении.

НП. И всё же данная инверсия служит и созданию детективной остроты повествования, и развертыванию традиционного для русской классики «учительного» сюжета: автору важно

помочь юным читателям реально увидеть свою страну, приобщив их к увлекательному комментарию, состоящему из интересных, порой, просто захватывающих сведений по географии, истории, культуре, политике России.

В детективный сюжет, наидревнейшим предком которого является загадка, несущая в себе ядро жанра – тайну³, автор влетает другой – путешествие по родной стране. Различные по семантике жанры детектива и путешествия оказываются в напряженном диалоге. Думается, что здесь заключен сознательный умысел автора: показать итоговый смысл «взрослых» дел, запечатленный ландшафтом нашей страны и работой ее важнейших государственных Институтов (Правосудия, например), глазами юных героев в перспективе Надежды: они могут поправить и то и другое.

Страна оказывается увиденной в фокусе разных взглядов: Жениного, детски непосредственного, но пытливого и участливого; ее спутников, уже имеющих за плечами боевой опыт и потому более зорких к окружающему, и, наконец, авторского – просветительского, «учительного». Что же открывается путешественникам?

«Сосновый лес был забросан большими пластмассовыми бутылками из-под разных напитков – теми самыми... что не разлагаются десятилетиями... а просто подло засоряют землю» (61). Женя читала про «чужие оккупационные армии», оставлявшие после себя «загаженные стоянки», но ведь этот «красивый лес» завален мусором своими людьми! А поскольку ландшафт есть запечатленное время, Женя внимательно вглядывается в его приметы. И хоть не может она вспомнить, кто умер в 1953 году, и узнать «профиль главного сказочника», вставная новелла о сыне генерал-лейтенанта Георгия Ивановича Шуста показывает, что дела его живы. «Сын погиб во время Первой чеченской войны, 31 декабря 1994 года, при попытке взять Грозный непременно в новогоднюю ночь, как хотелось этого... чуть ли не по случаю своего дня рождения тогдашнему министру обороны России (Павлу Грачеву)» (67-68).

Пересекая Ульяновскую область, путешественники видят «странное зрелище»: *«На протяжении всего пути по области были видны только заросшие лебедой поля. Хотя, как помнила Женя из географии, область входила в полосу Черноземья...»*

– Калуга, глянь – тыщи гектаров не засеяны!

– Санек, тут же и покосы хорошие... А трава перестоялась... (80).

³ Кестхейн Т. Анатомия детектива: Следствие по делу детектива. – Будапешт: Корвина, 1989. – С. 37.

На стоянке Леша-Калуга разговорился с заправщиком:

– А чего – вы скотину не держите?..

– Почему не держим? Держим.

– А чего ж траву не косите?

– А попробуй покоси – сразу под суд попадешь. Не дают никому.

– Кто не дает-то?

– Начальство. Власти.

– А сами чего ж не косят?

– Говорят, денег нет! (80)

Этот диалог по силе звучания вряд ли уступает радищевскому! Поистине устойчив абсурд русской жизни. Ему не помеха не только смена времен и сказочников, но даже и социально-экономических формаций.

Вневременной оказывается и еще одна национальная беда – пьянство. В сюжете путешествия она означена «обыденной» картинкой. На призывы о помощи спутники Жени бросаются в лес и приводят оттуда плачущую девушку в изодранной в клочья блузке. И вновь следует диалог:

– А что, Оля, у вас там хороших мальчиков совсем нет?

– Так пьют же все!.. С десяти лет уже все пьют! Моя подружка замуж вышла... Так он (муж) ее уже бьет! (83)

На Руси всегда было принято напиваться «до изумления». Но пьянство с 10-ти лет не может не вызвать уже иного рода изумление.

Однако вот какая деталь примечательна: начало всеобщей порухи автор мужественно усматривает не в провинции, а в Москве. В главе «Скин» всплывает памятный всем июнь 1991 года. Денис Скоробогатов вспоминает, как он «от души бил стекла» и слушал «хрустальный звон оседающих огромных витрин». Как «он с радостью и даже наслаждением» пинал и раскачивал машины, «испытывал восторг, рисуя свастики...» (97).

Так постепенно автор прорисовывает «взрослый» образ родной страны, тревожно сигнализируя о царящем в ней неблагополучии. Горечь и недоумение чередуются с тончайшей авторской иронией. «Улица Ленина, по которой они въезжали в город, состояла целиком из одноэтажных вросших в землю домиков. Женя уже представляла себе по рассказам деда, как жили люди в России до Ленина, и ей понятно было, почему теперь такая захудалая улица, где живут бедные люди, носит его имя» (88). Символизируя дореволюционную Россию, «одноэтажные вросшие в землю домики, в которых живут бедные люди», беспрепятственно прошли сквозь все революции и реформации: «все стало, как было» (А. Платонов). Более того, по самоочевидной детской логике символом захудалости стало имя человека, пытавшегося ей воспрепят-

ствовать. Но не попытку запечатлел ландшафт, «овеществивший» историю, а результат. Созерцание родных ландшафтов рождает у юной героини странное ощущение, ставящее ее в ряд хорошо известных русскому читателю «взрослых» путешественников: «Жене казалось, что она едет не по России, а по какой-то неизвестной стране...» (100).

Венчает этот парад «запустения» описание челябинского дворика: «Вокруг маленького покосившегося металлического столика на одной ножке и двух скамеек с узкими брусками для сиденья (половину брусков оторвали, и потому это скорее были насесты для кур...) земля была вытоптана и загажена на два-три метра вокруг сигаретными пачками и бутылками... ни травинки, ни цветочка, не то что клумбы...» (105-106). Диалог Жени с взрослыми жителями двора по поводу сотворенной ими «околопустыни» (В. Пьецух) побуждает к отнюдь не детским размышлениям. А попытка «тимуровского» разговора Жени с растущими в этом дворе детьми и вовсе грустна:

– У них же у всех, наверное, родители есть? – подбиралась Женя к своей теме.

– У Эльвиры нет.

– А куда они делись?

– У нее мама повешалась. Только тетка есть (107).

Трагическое событие воспринимается следствием всюду проступающей порухи.

Но вот взгляд Жени задержался на ее ровеснике, «мальчике лет пятнадцати». «Так явно было, что он ходил по **своим** делам, а теперь возвращается к **своему** дому, в **свою** комнату – по **ничейной** земле, которую надо скорее пересечь» (110). Курсивом автор подчеркивает отчуждение мальчика от всего того, что оказывается за пределами его личной жизни. Он житель «ничейной земли»: русский «индеец».

ВБ. Надежда? Скорее именно – отчуждение – явный смысловой курсив повести, но страшнее, чем у этого мальчика-«русского индейца» из челябинского дворика!

Как только заканчивается экспозиция – знакомство с хорошими московскими мальчиками и девочками (Женя-правозаступница, Фурсик-энтузиаст, Маргаритка с милым ежонком, рыцарь Дима) – начинается жуткая картина российской жизни. Женя едет по стране, но поразительно ничего красивого не замечает вокруг: нет ни пейзажей (свойство путевых заметок), ни достопримечательностей (путешествие), ни хотя бы просто нормальных людей (впечатления от встреч, ведь не по безлюдному миру катится на машине героиня). Дана лишь бесстрастная статистика маршрутного листа, называются населенные пункты, города, словно по атласу автомобильных дорог движется палец. Где Россия?

Проехали *«то ли городок, то ли село»* (62), после *«какой-то большой реки»* (61). Правда, в начале пути было упоминание о родине Есенина, но посмотрите, в каком (характерном для повести вообще) контексте: *«Потянулась Рязанская область, объявившая о себе так: «Деревня Константиново – родина Есенина – приветствует дорогих гостей».* Шёл третий час езды, когда Жене потребовалась остановочка. Сосновый лес был забросан большими пластмассовыми бутылками из-под разных напитков» (61). Есенин и санитарная остановочка туриста-клиента? Так что же автор заставляет видеть героиню и читателей, следующих по её маршруту (главы 9-15)? Ужасную криминальную страну – буквально в каждой главе автор детской книги обязательно даёт какую-нибудь жуткую подробность. В главе 10: у генерала Шуста – убитый при штурме Грозного сын, но сам факт подан автором так: *«Тело его сына долго валялось тогда на одной из улиц Грозного вместе с десятками (говорили, что и сотнями) тел других участников кровавого и бессмысленного боя. (...) Как сумел генерал найти и вывезти тело сына, он никогда никому не рассказывал – как и о том, в каком виде лежал его сын в закрытом гробу, привезенном в Москву. Гроб пришлось открыть – для матери. После этого его сорокалетняя жена за одну ночь поседела до белизны»* (68). Следующая, 11 глава – убитая мать Вани-опера: *«Её убили бандиты, когда ему было три года, – мстили отцу»* (76) да ещё важная для читателей-подростков подробность: *«Челябинск что в одну, что в другую сторону без рэкетиров не проедешь»* (77), причём всё делается под прикрытием милиции. Далее в Ульяновской области (12 глава) замечают единственное, *«что тут мужики совсем, что ли завили горе веревочкой – уж не сеют, не пахнут»* (79), и добавляют, что в темноте *«вдруг справа послышался страшный крик. Кричала девушка»* (81), которую спасают от четверых *«отнюдь не трезвых местных парней»* афганцы-телохранители. Они *«вывели из леса рыдающую девушку, на которой были джинсы, выпачканные в земле, и в клочья разорванная блузка»* (82). Дальше спасенная в темноте добавляет мрачности: *«Сквозь слёзы она рисовала безрадостную картину жизни в её посёлке и в сёлах вокруг. Из её рассказа вытекало, что никакой надежды у них не было – иной жизни, кроме как сопившимися и спивающимися мужьями, будущее не сулило»* (84). Потом – город Юрюзань, о котором, конечно же, нечего сказать в детской книге, как только о том, здесь делали холодильники, но *«закрылись – вытеснили их с рынка: неконкурентноспособны»* (86). В Златоусте встретили только *«странного вида парня: два очень узких передних зуба росли у него косо и доставали до*

самых нижних дёсен, заходя страшным образом, как у злого сказочного волшебника, за нижние зубы. «Так что ж тут зубных врачей, что ли, нет?» – в растерянности подумала Женя» (89). Конечно, здесь *«жутко ободранный кинотеатр»* (89), а рассматривая изделия уральских камнерезов, героиня не любит красоту – автор велит ей думать о том, что эти камни добываются *«с большим ущербом для здоровья от каменной пыли»* (92), но это сказано так, кстати, и сочувствие не предполагается, потому что следующая фраза: *«Жене легко давались иностранные языки».* В 13 главе читатели переносятся снова в Москву, по которой идет Скин (тоже из команды Жени) с чувством, *«напоминающем противный вкус во рту наутро после пьянки»* (95). Далее воспоминания о скин-хедовском погроме дается в таком лексическом ряду: *«Тверская заблэвана и залита мочой»* (96), *«запах мочи и рвоты»* (96) *«ведь не дать кого-то убить – это действительно круто»* (97). Его имя – Денис, *«впрочем, так звала его только мама (когда была трезвая и хотя бы узнавала сына)»* (98). Сознательно отобранный, спрессованный только негатив искажает пропорции жизни и перестает быть правдой, начинает вызывать обратную читательскую реакцию: отвращение от текста, а не от изображаемых подробностей. Но автор как бы не чувствует явного перебора, ни интонация, ни ракурс не меняется: грязный дворик, по которому идёт инвалид (*«В Москве таких Женя видела только в переходах метро»*, – замечает зачем-то автор), *«земля была вытоптана и загажена на два-три метра вокруг сигаретными пачками и бутылками»* (105), въезжающая *«машина – то иномарка, то наша, довольно заезженная»* (109), и *«домишки-развалюхи»* (116). И изуверские подробности убийства Анжелики, и «слоник» – попытка во время следствия (главы 16, 17). Конечно, это есть в нашей действительности, но что такое правда в детской книге? Важно соблюсти меру – как в книгах о том, «откуда я взялся»: не солгать, но и не впасть в порнографию и не говорить о том, к чему ребенок ещё не готов. Бережная правда. Особенно побережь от грязи, поданной почти как геройство: водитель повествует, что *«по дороге остановился поесть, снял прямо на дороге девчонку»* (141), и заметьте, когда её у него хотели «перекупить», он заявляет: *«Они сильно оскорбили меня. И при девушке»* (142) – и убивает из револьвера обоих, наповал. Это извращенное геройство воспринять как благородный поступок: вступился за честь (?) «снятой» им же девицы? Рассказ водителя подан, кстати, в той же интонации жертвы беззакония. А главный подвиг в расследовании, которое ведет команда Жени, совершает восемнадцатилетний герой тоже с криминальным прошлым, и текст 21 главы

полон блатного жаргона: на стреме, Сявый, «Витька взяли на дело в девять лет» (170). И так до конца: в последней главе автор не приминула добавить последний штрих – таможенники-рэкетеры Казахстана (283).

И исторические публицистические отступления имеют подобную же направленность. И вот в конце книги читаем: «Эти два года – 1951-й и 1952-й – навсегда *отвертели* (курсив мой – ВБ) прошедшего войну молодого советского офицера от советской власти. И никогда уже больше он к ней не повернулся» (276).

Эти путевые заметки именно работают на *отчуждение* юного читателя от страны, где они имели, кажется, несчастье родиться. Не хочется эту землю – художественный образ, созданный М. Чудаковой, – называть своею. Едем мы по ничейной земле. И если эпическое произведение, по большому счёту, вводит юного читателя в бытие, устанавливает связи «я и мир», то здесь – вместо «со-бытия» возможен эффект противоположный – «раз-бытия». Вот что пугает в этой книге для детей.

И герои-спасатели, на усилия которых уповает автор, на которых возлагает надежды, всё же кажутся командой совершенно другой «весовой категории», намного меньшей.

III. Что же представляют собой герои М.О. Чудаковой?

У книги есть своеобразный пролог, где раскрывается двойственный смысл имени главной героини Жени Осинкиной, предопределивший характер ее поступков: «...Ты девочка или мальчишка-бандит?»

Кто же эта необыкновенная девочка? Знакомству с ней посвящена экспозиция. Отличительная черта мира, в котором живет Женя, первостепенность в нем книги. Она появляется сразу: «Женя... захлопнула книжку, быстро вставила ее на полку – на место, между четвертым и шестым томом» (7). Мама предпочитает не отвечать на Женины вопросы, а сразу отсылает ее к Словарям, которых в доме больше двадцати, и спорит с папой о том, можно ли читать Жене Бунина. Любовь к Книге объединяет Женю и ее друзей. Страницы повести насыщены цитатами из русской классики. Именно она выступает у Чудаковой «строительным» материалом их мировосприятия.

«– Ну, вот ты любишь Россию. А Лев Толстой – это русский писатель?»

– Ну.

– Мы должны им гордиться?»

– Ну.

– А чтобы гордиться, надо сначала его читать – и понимать, что читаешь.

Том легко снимал с полки нужный том из собрания сочинений Толстого... быстро находил

нужную страницу и читал вслух из «Войны и мира»:

– «Уже были зазимки, утренние морозы заковали смоченную осенними дождями землю, уже зелена уклочились и ярко-зелено отделялись от полос буреющего, выбитого скотом, озимого и светло-желтого ярового жнивья с красными полосами гречихи». Если ты не знаешь разницу между зелеными и озимым жнивьем и при этом ленишься заглянуть в словарь, для тебя Толстой будет понятен только наполовину» (180-181). Подстать данным героям и знающий наизусть «Евгения Онегина» Ваня Бессонов. «Оркестрованность» повести русской классикой принципиальна для автора, ибо она проявляет собою тот самый культурный слой, опора на который делает потенциально возможной Надежду на Обновление жизни. Не случайно организатора Братства борьбы за справедливость автор наделяет фамилией поэта и драматурга XVIII века Сумарокова.

Книжная культура впитывается Женей не по мановению волшебной палочки. Она органично усваивается ею в семье, все члены которой живут интеллектуально насыщенной жизнью. Но вот что при этом интересно, главным качеством этой семьи оказывается трудолюбие. Так, каторжничное «Спокойной ночи», которое можно было услышать здесь в любое время суток, стало своеобразным паролем, связавшим несколько поколений. «Женина бабушка, вечно писавшая свои диссертации и книги по ночам, грозно говорила маленькой дочери вечером, после сказок про слонopotамов:

– Я уже сказала тебе – спокойной ночи!

Это означало, что всякое нитье и канюченье «Посиди со мной!», «Водички!» и прочие приемычки) должно быть закончено – она наконец садится за свой стол и будет писать до трех часов ночи, потом немножко поспит и побежит на работу» (14).

Умение дорожить временем органично впитывается Женей: за 55 секунд она успевает выучить 4 английских или 3 французских слова, занимаясь при этом спортивной «растяжкой». Очаровывающим нас необыкновенно деятельным ребенком Женя видится и в своих мечтах. Вот что она сделает, если вдруг окажется одна дома на целых две недели: «влезет в Интернет на всю ночь», скачает все «про любимого зверька тушканчика», посмотрит более внимательно «старые игры», сама «сделает ремонт в своей комнате – и распишет стены» (10-11). А если останется ненадолго, то либо возьмет немного денег и «отправится с Зиночкой в Макдональдс» лакомиться мороженым и пирожком с вишней, либо на Гарри Поттера – «две серии подряд» (15).

Атмосфера «приличной» семьи способствовала тому, что Женя выросла незаурядной девоч-

кой: *«умела думать, обладала волей, не любила тратить драгоценное время попусту».*

Слово, которым организованы «Дела и ужасы Жени Осинкиной» преимущественно изображающее. Описания часто заменяются диалогами, нацеленными на выразительное рассказывание. Драматизированные диалоги и составляют основу текстовой «ткани».

Свойством Слова, нацеленного на изображение действия, определяется и характер конфликта, и тип его описания. Завязкой действия служит совершившаяся *«несправедливость»*: Олега Сумарокова *«за неизвестно чье преступление все-таки засадили на всю жизнь в тюрьму»* (17).

Автор «Жени Осинкиной» наделяет своих героев способностью к отважным, детально продуманным и потому результативным действиям. Порой их поступки выглядят чуть сдвинутыми в «виртуальный» план. Так, саму сложность борьбы за справедливость, ее опасные «перипетии» Женя изначально помещает в область категорического императива: *«Она, Женя, этого не допустит»* (17). Откуда же такая уверенность? Она определяется Жениным характером: *«если Женя за что-то бралась, то каким бы трудным и даже казавшимся невыполнимым ни было это дело – она, не останавливаясь, шла до конца (...), пока не достигала желаемого результата»* (18-19).

Подстать Жене ее друзья. Мы попадаем в мир юных интеллектуалов, которые не только отлично учатся, а каждый имеет какое-либо свое увлечение, в которое вкладывает всю страсть юного ума и любознательства. Помешанный на футболе Кутик тайно пишет повесть о настоящем человеке Рональдо. Улетающий на глазах восхищенных ребят со двора прямо в небо Слава-Байкер собирает из обычной Явы Харлейл. Фурсик – координатор достойно продолжает дело гайдаровского Тимура, упорно делая наклейки в метро: *«Обязательно придержи дверь – сзади идет чья-то мама или бабушка»* (20). Подружка Жени Маргаритка ведет денежные переговоры с успешным предпринимателем так, что, казалось, *«уже давно учится в одном из самых престижных вузов страны»* (27). Ваня-опер, один из самых солидных в Братстве подростков, знает «назубок» не только Уголовный кодекс нашей страны, но и всю историю Великой Отечественной войны. Любящий тыквенные семечки Максим Нездоймишапка или Шерлок Холмс обладает недюжинными способностями детектива. Так ненавязчиво М.О. Чудакова показывает несостоятельность существующей в нашей стране гипотезы *«о гибели генофонда»* (18) и заодно вступает в спор с волшебной «методикой» Гарри Поттера.

Не волшебство позволяет ребятам раскручивать сложнейшие головоломки коварного преступления, а «чудесный» потенциал их воли, ума и энергии.

Как, впрочем, и в Оглухино они попадают не на «бирюзового цвета автомобиле», передвигающемся по воздуху (излюбленном транспорте друзей Гарри Поттера), а, почти следуя традиции русской классики, значительным по времени и протяженным пространственно маршрутом.

Образ путешествия по родной стране делает книгу двуплановой. Однако детективная острота не снимается. Путешествие то и дело мерцает «тонизирующими» эту остроту «привязками»: сон Жени: *«Тревога. Двое в плащах: «Куда поехала? Поезжайте вслед».* Черный джип, преследующий путешественников. Острая железяка, брошенная под колеса машины, косолапый человек, напоминающий Вия и т.д. Что же представляет собой враждебный Жене и ее друзьям мир?

Трудовой, живущей напряженной духовно-интеллектуальной жизнью семье Жени Осинкиной противопоставлена семья Виктории Заводиловой. Правда, семьей в подлинном смысле ее назвать трудно, ибо три человека ее составляющие живут абсолютно разобщенно, и даже видятся крайне редко, что позволяет очень большая квартира. Отца этой семьи Игоря Петровича Заводилова постигает большое несчастье. Неизвестные зверски убивают его незаконнорожденную дочь Анжелику, с которой у него установились в последнее время согревающие душу отношения. Но вот убийца найден и наказан. Правда, *«пришлось заменить эксперта, что стоило немалых, но не баснословных, то есть не московских денег»* (151). Но облегчение к Заводилову не приходит. Повествование пытается вобрать в себя еще одну меру объемности: дать психологический абрис неоднозначного характера. Восхождение Игоря Петровича Заводилова для 90-х годов типично: *«Начал он в то горячее время с алюминия... Потом крушил конкурентов, сметал помехи... Он был как все вокруг него – набирал и набирал; увеличивал и увеличивал»* (158-159). Разбудила душу Заводилова песенка из оперы «Юнона и Авось»:

*Ты меня на рассвете разбудишь,
Проводить необутая выйдешь,
Ты меня никогда не забудешь,
Ты меня никогда не увидишь.*

Она напомнила ему о давно забытой им женщине. Однако воспоминание пришло поздно. Молодая женщина умерла от воспаления легких в стране, где выпускается *«куча антибиотиков».* Умирая, мама Анжелики считала его хорошим. И это отношение к нему передала своей дочери. И с героем случилось, выражаясь языком Пушкина, *«благое потрясение»*: *«он стал стараться быть*

хорошим» (158). Однако незаметно для самого себя свою вторую дочь Викторию он успел сотворить по своему худшему подобию. Здесь следует отметить, что заслуга автора «Дел и ужасов Жени Осинкиной» не только в том, что она создала образ во многом нового героя-подростка, но в известной мере и нового антигероя, сформированного аурой грабежа и цинизма первоначальных накопителей. В детстве Виктория постоянно слышала телефонные разговоры отца:

– Все! Я сказал – все! С этим человеком надо решать один раз – но так, чтобы он больше физически не возникал.

Стиль этих разговоров, определенный борьбой с конкурентами, стал основой ее миропонимания: *«Так есть – и так должно быть дальше: одним – двигаться по дороге, другим – освободить ее для движения на полной скорости; у одних есть деньги – у других их нет и не будет; одни – в ночных клубах и казино, другие – в вонючих общежитиях, в коммуналках или в колониях строгого режима – что, по существу, одно и то же» (259).*

Впитанные в детстве интонации отца по отношению к конкурентам, проросли в сознании Викторией презрительно-холодным отношением ко всем людям, кто не имеет денег. Это деление людей видится ей абсолютно законным и как бы даже предначертанным свыше, о чем свидетельствует ее циничное размышление по поводу судьбы Олега Сумарокова: *«Без лоха и жизнь плоха! Ну получил бы диплом – и что? Бомжом был, бомжом остался! Лохи и рождены, чтоб их кидали!»* Этой философией и порождена организация Викторией убийства своей незаконнорожденной сестры Анжелики из-за наследства.

Итак, героев «Жени Осинкиной» окружает далекий от совершенства мир. В нем много страшного. Но автор находит такой ракурс изображения, который учит подростков не пасовать перед злом. Заявленная в книге система нравственных ориентиров позволяет им правильно видеть окружающее, понимать мир и себя в нем, иметь волю для борьбы с несправедливостью.

ВБ. Может быть, стоит сравнить Женю Осинкину не столько с Гарри Поттером, а с другим популярным героем, точнее детской героиней из мультфильма – супердевочкой Seilormoon! Кумир многих тинейджеров (на полях школьных тетрадок года два-три назад – портреты «Луны в матроске»): умная, суперсильная, стильная девчонка, справедливая, спасающая мир на протяжении десятков серий мультсериала. И М.О. Чудакова тоже не скупится: дарит своей героине полный набор достоинств, котирующихся у подростков. Есть всё. Внешне? Конечно, *«лучистая улыбка» (166)*, *«ноги от ушей» (31)*, *«очень спортивная» (9)*, по дороге разминается, *«выполнив несколько приемов каратэ» (62).*

Она – творческий человек, обладает эстетическим вкусом. Несомненно, интеллектуалка и умница (*«Женя училась на пятерки по всем предметам» (103)*): книги, Интернет, интересы, культура, несколько иностранных языков, но главное – аналитический склад ума, *«она просто умела и любила думать» (55)*. Хотя можно заметить, что взрослое, цитатное сознание автора-литературоведа становится достоянием мышления подростка (41). И ещё у неё есть – воля, борцовские качества (*«Женя стремилась подчинить себе обстоятельства» – 43*). Порой кукольность создания персонажа проскальзывает в её речи: неестественно для московского тинейджера звучит фраза «у вас там хороших мальчиков совсем нет?». Но, думается, автор сознательно играет на трафарете супергероя, создавая образ положительной героини, т.е. совершенно по-учительски вылепливая то, что должно бы быть у идеального героя. Учит. Дает пример, «делать жизнь с кого» – может быть, специально заполняя одну из пустот современной системы обучения и воспитания. Такова Женя, по тому же принципу, представляется, созданы и образы её «супердрузей».

В финале повести довольно четко выстраивается авторская концепция героя и, даже более того, концепция спасения этого несовершеннолетнего мира. Без-умного мира. Один из героев размышляет о строке, написанной на памятнике:

*«Безумству храбрых поем мы песню. М. Горький». У Горького эта строка продолжалась – «Безумство храбрых – вот мудрость жизни», но мудрость-то, Обнорский давно уже это понял, была именно в том, чтобы оборвать на первой строке. Да, всегда будет нас волновать, а то и восхищать безумство храбрых. Можно слагать о нем песни, но только нельзя ни в коем случае искать в безумстве – мудрости» (281). В повести М.О. Чудаковой – разум и интеллект юных героев противостоит «извечной российской дури», без-умию мироустройства, её герои борются именно за законность, справедливость, именно потому, что понимают: нужно установить *порядок*, это и объединяет их, столь разных не просто в круг друзей, но в одну команду – не тимуровскую, «помогальную», а в команду, охваченную единым чувством *долга* помощи попавшему в тиски несправедливости человека. Может быть, нашему перестроечному Возрождению, сопровождавшемуся разгулом беспредела, и барочной растерянности перед хаосом – с исторической неизбежностью должен следовать некий новый классицизм – с его культом разумности и порядка, долга и служения? Может быть, открытие такого именно героя-подростка – нового, в чем-то совсем не детского, но детям предпосланного – ценность этой детективной повести о делах во спасение посреди ужасов реальности.*